

СУДЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ПРАВОЗАЩИТНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Статья / Article

УДК / UDC 342.56 : 342.6

DOI 10.35231/18136230_2022_2_141

Отделение судебной власти от исполнительной власти: исторические перипетии российской модели Часть III. Место суда в политико-правовой системе Советской России

В. П. Очередько

*Северо-Западный филиал
Российского государственного университета правосудия,
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

В статье продолжается исследование сложного и противоречивого процесса развития российской модели отделения судебной власти от исполнительной. Предшествующие работы [9; 10] касались анализа историко-правовых основ отделения суда от администрации на ранних этапах становления государственности в России, включая пореформенную Россию. В статье анализируются революционные преобразования, направленные на отрицание демократических принципов, провозглашенных и в значительной мере реализованных судебной реформой 1864 г., принципиальное изменение роли и места суда в советской политико-правовой системе, базирующейся на провозглашении всевластия Советов и фактическом доминировании партийных органов.

Рассматривается развитие идеологических оснований новой роли суда, обусловивших его место в системе правоохранительных органов, развитие форм судебного управления, а также партийное руководство как элементы содержательной характеристики места и роли суда в политико-правовой системе советской России.

Проведенный анализ позволил определить определенную преемственность государственного руководства судебной системой советской России с предшествующим периодом развития страны, состоящей в восприятии старых институтов исполнительной власти в лице Министерства юстиции с постепенным разрастанием бюрократических процедур и бюрократического аппарата.

Ключевые слова: суд, судебное управление, судебные кадры, исполнительная власть, министерство, советы.

Благодарности. Следует поблагодарить юристов, исследователей юридической науки, глубоко анализирующих сложный процесс становления суда в политико-правовой системе советского периода России и внесших свой вклад в преодоление многих клише в понимании этого процесса.

Для цитирования: Очередыко В.П. Отделение судебной власти от исполнительной власти: исторические перипетии российской модели. Часть III. Место суда в политико-правовой системе Советской России // Ленинградский юридический журнал. – 2022. – № 2 (68). – С. 141–157. DOI 10.35231/18136230_2022_2_141

Separation of Judicial Power from Executive Power: Historical Vicissitudes of the Russian Model Part III. The place of the court in the political and legal system of Soviet Russia

Viktor P. Ocheredko

*North-West branch of the Russian state university of justice,
Saint Petersburg, Russian Federation*

The author continues to consider the complex and contradictory process of development of the Russian model of separation of judicial power from executive power. The previous articles [9; 10] were devoted to the analysis of the historical and legal foundations of the separation of the court from the administration at the early stages of the formation of statehood in Russia, including post-reform Russia. The paper analyzes the revolutionary transformations aimed at denying the democratic principles proclaimed and largely implemented by the judicial reform of 1864, the fundamental change in the role and place of the court in the Soviet political and legal system based on the proclamation of the omnipotence of the Soviets and the actual dominance of party organs.

The author considers the development of the ideological foundations of the new role of the court, which determined its place in the system of law enforcement agencies, the development of forms of judicial management, as well as party leadership as elements of the substantive characteristics of the place and role of the court in the political and legal system of Soviet Russia.

The analysis made it possible to determine a certain continuity of the state leadership of the judicial system of Soviet Russia with the previous period of the country's development, consisting in the perception of the old institutions of executive power in the person of the Ministry of Justice with the gradual expansion of bureaucratic procedures and the bureaucratic apparatus.

Key words: court, judicial administration, judicial personnel, executive power, ministry, councils.

Thanks. It is necessary to thank lawyers, researchers of legal science who deeply analyze the complex process of the formation of the court in the political and legal system

of the Soviet period of Russia and contributed to overcoming many cliches in understanding this process.

For citation: Ocheredko, V.P. (2022). Otdeleniye sudebnoy vlasti ot ispolnitel'noy vlasti: istoricheskiye peripetii rossiyskoy modeli Chast' III. Mesto suda v politiko-pravovoy sisteme sovetskoy Rossii [Separation of Judicial Power from Executive Power: Historical Vicissitudes of the Russian Model. Part III. The place of the court in the political and legal system of Soviet Russia]. *Leningradskij juridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No 2 (68). pp. 141–157. (In Russian). DOI 10.35231/18136230_2022_2_141

Введение

Отделение суда от администрации на предшествующих стадиях политико-правовой трансформации России происходило в рамках судебных реформ, которые мы анализировали (Петровская, Екатерининская, Великая судебные реформы). В пореформенной России, как известно, была сформирована судебная власть как самостоятельная в институциональном, юрисдикционном и процессуальном аспектах, разработаны развитые формы взаимодействия суда и административной власти.

Новый этап во взаимоотношениях суда и исполнительной власти наступил с осуществлением революционных преобразований 1917 г. Созданное на коммунистической идее государство предложило новую модель общественного развития. Кардинальные преобразования во всех сферах общественного устройства страны революционным образом отразились на судах. Понятие «судебная власть» было отброшено как буржуазная идея, как и сам принцип разделения властей как способ организации государственной власти. В нормативной лексике того времени они просто отсутствовали, в научном обороте использовались лишь в контексте критического анализа буржуазных теорий.

Развитие преобразовательных процессов со всей очевидностью показало соотношение явлений «суд» и «судебная власть». Эти явления тесно связаны своей государственной природой, но не тождественны друг другу разным ее отображением. Суд характеризует содержание государственной власти, судебная власть характеризует способ ее организации. Поэтому они характеризуются различными историческими временными параметрами, исторической динамикой. Суд существует до тех пор, пока существует государство, судебная власть – пока реализуется такой способ государственного устройства, как разделение властей.

Пролетарская революция в России провозгласила, как известно, новый способ организации государственной власти – вся власть Советам.

Это положило конец разделению властей, предопределило судьбу судебной власти. Однако формирование новой государственной власти на новых идеях не отрицало наличие суда как органа государственной власти. Суду придавалось важное значение в революционных преобразованиях. В числе первых декретов советской власти был принят Декрет о суде №1, дополненный впоследствии Декретами о суде №2 и №3. Судебные органы формируются советской властью как элемент жестко централизованного государственного механизма под идеологическим и организационно-кадровым контролем партийных органов.

Теоретико-идеологические основания

В основу создаваемого государственного механизма была положена концепция всевластия Советов, которым принадлежала полнота государственной власти. Существование самостоятельных законодательных, исполнительных и судебных органов рассматривалось не более как форма делового разделения труда [8], разделению их полномочий не придавалось особого значения. Смешение функций различных государственных органов обозначилось с первых лет советской власти. Нарком юстиции Н. В. Крыленко указывал на отсутствие разницы между указом и законом, между декретом Совнаркома и декретом ВЦИКа, когда «сам Совнарком издает декреты, хотя он, якобы, только исполнительная власть» [5, с. 31]. Законодательные полномочия Совнаркома как высшего органа исполнительной власти проявились применительно к судебной системе. Ее основы, как известно, были заложены Декретом о суде №1, принятом Совнаркомом 24 ноября 1917 г., минуя ВЦИК¹.

Создаваемый новый государственный организм, предназначенный для решения задач диктатуры пролетариата, нуждался в новом суде, которому отводилось совсем другое место. Новой власти был не нужен независимый орган власти. От него требовалась согласованная работа в качестве исполнительного органа советской власти по решению задач пролетарского государства, так же как и другого органа власти.

Выполняемая судом функция правосудия рассматривалась в качестве структурного элемента правоохранительной функции государства. Это лишало суд специфики в определении целей и задач функциониро-

¹ Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства. 1917. № 4. Ст. 50. 19.

вания, отражающих предметное содержание правосудия как формы государственной деятельности, предопределяло его включение в единую систему правоохранительных органов. Суд являлся лишь завершающим звеном этой системы, выполняющей функцию, по мнению А. Я. Вышинского, «ограждения завоеваний революции и установленного ею правопорядка» [2, с. 55].

В течение длительного периода действовали ведомственные нормативные акты, накладывающие ограничения на суды в их взаимодействии с другими правоохранительными органами. Примером такого акта является изданный в 1949 г. циркуляр НКВД СССР, в котором органы прокуратуры и суды обязывались предварительно согласовывать с органами НКВД освобождение арестованных по делам, ведущимся этими органами.

Наиболее очевидно функциональная сопряженность судебных и исполнительных органов проявлялась на ранних этапах советской власти, когда органы юстиции не только создавали и упраздняли суды, разрабатывали нормативную базу и контролировали их деятельность, но также обладали полномочиями по прямому вмешательству в решения по конкретным делам.

Новые суды, начиная с Декрета о суде №1, находились в тесных организационных отношениях с местными Советами. Это вело к повсеместному вмешательству в судебное разбирательство под различными предлогами. Центральные власти предпринимали усилия по ограничению вмешательства местных органов власти в деятельность судов, исходя из понимания опасности появления волостного и районного правосудия. Вместе с тем, преодоление этой проблемы виделось не на путях изменения его места в государственном механизме. Предпринимались меры по повышению уровня избрания и освобождения судей от должности (с уровня местных (волостных, районных) исполкомов на уровень губернских исполкомов Советов), установлению надзора Народного комиссариата юстиции РСФСР (далее – Наркомюста) за отзывом судей и другие.

Подобное положение судов, несмотря на существующие издержки, рассматривалось в качестве одного из основных отличительных признаков пролетарского суда от суда буржуазного и его очевидным достоинством, создающим преимущества советского государства, обеспечивая реализацию идей и решений исполнительной власти. В целом отрицание

принципов разделения властей и независимости суда было определяющей идеей в течение практически всего периода существования Советской власти и получило практическое отражение в создании советской модели руководства судебной системой.

Нельзя не отметить, что принцип независимости судей и подчинения их только закону получил свое закрепление в Конституции СССР 1936 г. (ст. 112). Однако эта норма не имела механизмов его реализации как в этом документе, так и во всех последующих. Конкретизация конституционных установлений, в частности в Законе СССР «О судеустройстве СССР» 1938 г., в виде формулирования партийно-идеологических и организационно-функциональных принципов советского правосудия не изменила реального положения судей в созданном государственном механизме.

Важной чертой идеологических оснований, определяющих развитие судов в советский период, являлась активная роль неправовых, т. е. не облеченных в правовую форму, установок, сосуществующих с правовыми основами. По мнению видных советских ученых-юристов, признание всемогущества государства в сфере создания и поддержания правовой формы (общеобязательность закона, сила судебного решения) не отрицает силу государства также и «вне всяких юридических форм» [11, с. 12]. Такой внеюридической формой государственного воздействия на деятельность суда, на наш взгляд, являлось провозглашение революционной законности, предполагавшей исполнение закона на основе революционного правосознания, с учетом революционного смысла применяемого закона.

Определенное обобщение положения суда в советской государственности осуществлено в Концепции судебной реформы РСФСР¹, прямо определяющей суды как важный элемент командно-административной системы руководства страной, являющийся проводником ее воли.

Развитие советской модели судебного управления

Советское государство всегда было заинтересовано в существовании эффективного суда. Забота об этом постоянно воспроизводилась во всех партийных и советских документах с первых шагов советской власти.

¹ О концепции судебной реформы в РСФСР: постановление Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 (утратил силу) // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР от 31.10.1991 г. № 44. Ст. 1435.

Требование усиления судов было отражено в резолюции XI Всероссийской конференции РКП(б): «Судебные учреждения Советской республики должны быть подняты на соответствующую высоту»¹. При этом решение задачи, имеющей серьезное практическое значение, рассматривалось, как мы указывали, не на путях повышения самостоятельности судов и независимости судей, а за счет создания и совершенствования системы управления судами и усиления партийного руководства.

Судебное управление как сфера государственной деятельности в России осуществлялось и достаточно детально анализировалось еще до революции [3]. Термин получил легальное существование в нескольких положениях об органах юстиции в 20-е гг. Проблемы строительства советской модели судебного управления глубоко анализируются сегодня [1; 4; 12; 14]. Судебное управление, прежде всего, представляет собой составную часть государственного управления, осуществляемую в судебной сфере и реализуемую в различных масштабах, формах и методах. Понятно, что судебное управление как явление в своих чертах имеет национальные признаки, эволюционирует в своих субъектах, формах и методах под воздействием многих факторов.

В создании и развитии советской системы судебного управления проявляется, на наш взгляд, определенная преемственность государственного руководства судебной системой советской России с предшествующим периодом развития страны. Суть преемственности заключалась в восприятии старых институтов исполнительной власти в лице Министерства юстиции с постепенным разрастанием бюрократических процедур, бюрократического аппарата и подключении местных органов власти. Существенная специфика советского варианта судебного управления проявлялась в идеологическом обосновании, изменении субъектов судебного управления и всеобъемлющем партийном патронаже. Таким образом, следует говорить о создании новой, советской модели судебного управления на новом этапе развития российской государственности.

Субъектами судебного управления являлись органы юстиции, местные органы власти и судебные органы в разном соотношении компетенций и роли на различных этапах развития советской судебной системы.

¹ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. 9-е. изд. М., 1983. Т. 2. С. 471–472.

Сложный и противоречивый поиск наиболее оптимальных форм судебного управления в рамках изменения соотношении объема функций исполнительных и советских органов власти, судов под партийным «патронажем» являлся важным моментом развития судебной системы.

Важно понимать, что вплоть до 1922 г. в стране сосуществовали народные суды и революционные трибуналы, деятельность которых развивалась в значительной мере на различных идейных основаниях, они функционировали обособленно, под разной степенью контроля местных органов власти и Наркомюста. При этом Наркомюст не только контролировал и организовывал деятельность судов, но и пытался направлять деятельность местных органов власти в этой сфере.

В системе исполнительных органов Наркомюсту отводилось центральное место как административному органу государственного управления, отвечающему за подведомственную сферу государственной деятельности. Несмотря на то, что формально народные суды и революционные трибуналы не были подчинены Наркомюсту, он с момента создания 25 октября 1917 г. рассматривался как орган управления судами, последовательно сосредоточивая у себя значительную часть прямого и повседневного руководства судами, а позже и судебного надзора. По положениям «О народном суде РСФСР» (1920), а позднее, «О высшем судебном контроле» (1921) Наркомюст был наделен правом высшего судебного контроля, включавшим, помимо общего надзора, также право признания не имеющими законной силы судебных приговоров или решений, уже вступивших в законную силу, в случае их противоречия не только законодательству, но и «общей политике рабоче-крестьянского Правительства», разрешение вопроса о возобновлении судебных дел. Тем самым Наркомюст превращался, по сути, в квазисудебный орган.

Система судебного управления начала складываться в рамках осуществления Судебной реформы 1922 г., в соответствии с принятым Положением о судеустройстве (1922), когда было ликвидировано раздвоение советской юстиции на народные суды и революционные трибуналы, создана единая система судебных органов (Верховный суд РСФСР, губернский суд, народный суд), учреждены в качестве временно действующих специальные суды. Было введено понимание нижестоящих и вышестоящих судов с установлением субординационной подчиненности между ними как в вопросах судебного надзора, так и судебного управления.

Наркомюст утратил функцию надзора за судами, которая перешла новому органу – Верховному суду РСФСР. Были также реорганизованы местные (губернские) учреждения юстиции, вместе с которыми были ликвидированы и функции местного судебного управления. Эти функции перешли к губернским судам, наделенным, помимо полномочий осуществления правосудия, также и организационно-административными полномочиями. Вместе с тем, Наркомюст оставался центральным административным органом судебного управления, осуществлявшим общее руководство и организацию деятельности судебных учреждений на территории РСФСР¹. При этом законодательство недостаточно четко разграничивало компетенцию в области судебного управления между центральным аппаратом Наркомюста и Верховным судом РСФСР. В результате проявившейся неопределенности развернулась острая дискуссия по поводу разграничения их предметов ведения. Высказывались противоположные позиции: от возвращения судебного управления в «лоно» Наркомюста до передачи функций судебного управления Верховному суду РСФСР.

В 1927 г. Верховным судом РСФСР, который отстаивал самостоятельность судебной системы с момента своего образования, был представлен законопроект о реорганизации судебного управления в его интересах, подвергнутый критике, прежде всего, со стороны Наркомюста. Критика предложения сводилась к тому, что его реализация означала бы «... прямой подрыв основного принципа о приоритете НКЮ как органа правительства, руководившего судами и отвечающего за судебную политику»². Этот аргумент предопределил кратковременный период сворачивания объема полномочий исполнительных органов в судебной сфере и был положен в основу последующих решений.

Возникающие вопросы о разграничении предметов ведения в сфере судебного управления были устранены Положением о судоустройстве РСФСР (1926). В нем совершенно определенно указывалось, что Наркомюст является органом, осуществляющим общее руководство, организацию, а также ревизию и инструктирование всех судебных учреждений. Органом регионального судебного управления определялся региональ-

¹ Положение о Народном Комиссариате Юстиции: декрет ВЦИК РСФСР от 1 февраля 1923 года. URL: <https://ru.wikisource.org/wiki>

² Еженедельник советской юстиции. 1924. № 12/13. С. 298.

ный (краевой, областной) суд. Институциональную завершенность эти изменения получили в Постановлении ВЦИК и СНК РСФСР от 30 января 1928 г. «О порядке руководства судебными органами», в котором Наркомюст был определен главным субъектом судебного управления и наделен широким кругом полномочий в этой сфере. Верховный суд РСФСР потерял свою институциональную самостоятельность. Председатель Верховного суда РСФСР становится заместителем Народного комиссара юстиции по линии судебных органов. Было установлено, что все директивные указания общего характера судам исходят от Наркомюста через Верховный суд или от Верховного суда с санкции Наркомюста. В принятом в 1929 г. Положении о Наркомюсте РСФСР прямо указано, что Верховный суд РСФСР входит в состав его аппарата.

В стране сложилась система разделения функций, по которой задачи судебного надзора полностью передавались в руки Верховного суда РСФСР, а задачи судебного управления были сосредоточены в центральном аппарате Минюста и аппарате краевых (областных) судов.

В ходе широких дискуссий, связанных с подготовкой новой Конституции СССР, стали активно обсуждаться вопросы взаимоотношений союзных и республиканских органов юстиции и суда, в частности, оформление судебных органов в самостоятельную структуру вне системы Наркомюста РСФСР. С принятием Закона о судеустройстве СССР, союзных и автономных республик (1938) произошло окончательное оформление судебной системы как самостоятельной структуры, лишение ее функций судебного управления на всех уровнях. Весь широкий круг функций в этой сфере был сосредоточен в Наркомюсте РСФСР, который осуществлял их через свои управления, образованные при краевых (областных) Советах депутатов грудящихся.

Существенным этапом в поиске новых форм взаимодействия судов и органов исполнительной власти и советских органов явилась судебная реформа 1956–1964 гг. [11], включающая очередную реорганизацию судебного управления. В рамках общей либерализации государственной политики, включающей децентрализацию госаппарата, были последовательно упразднены общесоюзное и республиканские министерства юстиции. Тем самым были ликвидированы специализированные органы судебного управления, а полномочия по судебному управлению были возвращены в судебную систему. Реализована была идея, отстаиваемая

Верховным судом РСФСР еще в 20-е гг., что «...управлять судебной деятельностью должен суд, а не орган, оторванный от суда» [6]. Эта реформа, впрочем, никоим образом не изменила характер взаимоотношений партийных органов и судов.

Верховный суд РСФСР был наделен полномочиями по организационному руководству нижестоящими судами, его штат был увеличен на шесть судей и введена должность заместителя председателя Верховного суда РСФСР¹. Судебное управление в отношении районных (городских) народных судов было возложено на верховные суды автономных республик, краевые, (областные) и приравненные к ним суды.

Реорганизация судебного управления проявилась в том, что функции, ранее сосредоточенные в Минюсте и содержащие различные виды обеспечения, оказались распределены по различным ведомствам. Это привело к безусловному уменьшению зависимости судов от органов исполнительной власти, но одновременно с этим переместило эту зависимость на уровень местных органов власти (советов) в силу того, что ряд функций, в частности материально-техническое обеспечение судов, подбор кадров на должности судей и работников аппарата, организация выборов судей, были переданы местным советским органам. Впрочем, весьма скоро стало очевидным, что они не справляются с возложенными задачами в силу отсутствия для этого соответствующих ресурсов.

Кроме того, в результате совмещения управленческой и судебной функций в деятельности судов обнаружились новые, вертикально иерархизированные связи в судебной системе, судебный надзор дополнился административным надзором, не всегда позитивно влияющим на качество правосудной деятельности.

Необходимость решения нарастающих проблем, связанных с ликвидацией органов юстиции и задействованием местных органов власти в руководстве и обеспечении деятельности судов, была быстро осознана. В соответствии с Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по улучшению работы судебных и прокурорских органов» от 30 июня 1970 г., была восстановлена система органов юстиции. При этом были предприняты шаги по изменению взаимодействия судов и органов юстиции. Последние должны были осуществлять уже не «судебное управление», а «организационное руководство судами». На этой основе

¹ Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1963. № 26. Ст. 459.

в 70-е годы начала складываться модель разделенного управления судами. Органы юстиции наделялись ограниченными правами производить проверку деятельности судов. Минюст РСФСР разрабатывал также многочисленные нормативные акты по вопросам организации работы в судах (к примеру, инструкции по делопроизводству в судах, о статистической отчетности судов и иных правовых актов), необходимых для успешной деятельности судов.

Начавшиеся в стране (1985 г.) политические и демократические преобразования обусловили начало кардинальных изменений в положении судов. На органы юстиции вместо «организационного руководства судами» возлагалось только «организационное обеспечение деятельности судов». Принципиальное изменение состояло в том, что органы юстиции во взаимоотношениях с судами должны были опираться не на командно-административные методы, а ориентироваться на содействие судам в их деятельности. Это являлось важным ориентиром на пути утверждения самостоятельной и независимой судебной власти.

Органы юстиции лишились также права проведения в судах проверок, а с принятием 4 августа 1989 г. Закона «О статусе судей в СССР» утратили и возможность привлечения судей к дисциплинарной ответственности.

Происходящие изменения характеризовали становление системы внутреннего управления судебными органами. Важную роль в этом процессе сыграло принятие в 1989 г. Закона СССР «О статусе судей в СССР». В нем впервые были обозначены институты и инструменты внутреннего управления, являющиеся прототипом современных органов судейского сообщества и во многом предвосхитившие целый ряд шагов судебной реформы, осуществляемой позднее, уже в условиях демократической России.

Партийное руководство судами

В осуществлении судебной кадровой политики участвовали три властных структуры: Министерство юстиции в лице отдельных подразделений; органы советской власти, прежде всего их исполкомы; партийные органы, а именно, Центральный комитет партии и региональные (краевые, областные) комитеты партии. Тем не менее, можно со всей определенностью сказать, что партия монополизировала судебную кадровую политику.

Партийные органы неизменно, начиная с первых лет советской власти, держали под неусыпным контролем судебные кадры. Такое внимание обосновывалось тем, что суд рассматривался важным органом советского строительства. Он мог быть надежным инструментом осуществления коммунистической политики лишь при условии серьезного отношения партии к подбору судебных кадров.

Партийное руководство сопровождало советских судей на протяжении всей карьеры и в значительной мере воспринималось как норма. Партийные органы играли определяющую роль в формулировании требований к кадровому составу судов и критериям отбора кандидатов на должности судей, согласовывали избрание и смещение судей. Кандидаты в народные судьи проходили собеседование в партийных органах и инструктажи перед встречами с избирателями.

Следует отметить, что ни в одном нормативном акте не было закреплено требование партийности судьи, однако предпринимались шаги по «укреплению» судов партийными кадрами. Это являлось предметом постоянной заботы партийных органов всех уровней. Ими периодически принимались решения о выделении коммунистов для укомплектования партийными силами народных судов¹.

Сложившийся порядок подбора судебных кадров обуславливал нарастающую партийность судебных кадров по мере становления советской власти. В результате к середине 80-х гг. XX в. уровень партийности судей в народных судах составлял более 86%, последовательно повышаясь в судах более высокого уровня, дойдя до сплошной партийности судей Верховного суда РСФСР [15]. Как видим, в поздний советский период отсутствие у судьи членства в КПСС было, скорее, исключением.

Важно отметить отсутствие законодательного закрепления участия партийных органов в мероприятиях по формированию судебного корпуса. Оно осуществлялось на основе партийных решений, выполняющих нормативную роль уже в силу того, что воспринимались судебными органами и судьями в качестве обязательных для исполнения. Обязательность исполнения судебными органами партийных решений основывалась на партийности судей. Партийность судьи во многом определяла его статус в судебной среде, продвижение по карьерной лестнице.

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф.17. Оп. 34. Д. 346. Л. 19.

Наглядным примером завершенного партийного «освоения» судебных органов является сформулированное в ходе академических дискуссий предложение, направленное на укрепление независимости суда – народных судей коммунистов «ставить на партучет не в райкоме, горкоме, а в вышестоящем партийном органе» [7].

Если отбросить революционный максимализм раннего периода советской власти, следует признать, что независимость судей официально никогда не ставилась под сомнение. Высшие партийные инстанции, осуществляя общее партийное руководство судебной сферы, время от времени «одергивали» позволявших себе открыто командовать судами местных руководителей, указывая на недопустимость вмешательства в судебное разбирательство конкретных дел¹. Однако при этом решения и рекомендации партийно-государственных органов продолжали определять первостепенные задачи судебных органов в части обеспечения отправления правосудия. Это находило отражение в руководящих судебных документах, которые, помимо вопросов применения законодательства, были насыщены ссылками и обращениями к партийным документам. В них неизменно указывалось на руководящую роль КПСС в деятельности судов, ставились задачи по обеспечению всестороннего взаимодействия с партийными органами, указывалось на необходимость единообразного понимания судьями политики КПСС и советского правительства в сфере осуществления правосудия.

Эта отражала противоречивость партийных установок – стремление к укреплению правопорядка, развитию судебных органов наталкивалось на практически невыполнимое требование контролировать и руководить этой сферой. Признание, может быть запоздалое, противоречивости партийной политики в этой сфере в решениях XIX Всесоюзной конференции КПСС положило начало принятию ряда законодательных актов, провозгласивших самостоятельность и независимость судов и судей и недопустимость влияния на них партийных и государственных органов.

¹ О дальнейшем укреплении социалистической законности и правопорядка, усилении охраны прав и законных интересов граждан: постановление ЦК КПСС от 20 ноября 1986 г.

Заключение

Строительство советского государства на принципиально других идеологических основаниях предопределило новое место и роль судебных органов в государственном механизме. Произошла потеря специфики в определении целей и задач функционирования, включение судов в единую систему правоохранительных органов с сохранением организационной и юрисдикционной обособленности. Это обусловило развитие советской модели взаимодействия суда с другими органами государственной власти.

При всей революционности происходивших изменений в этой сфере можно отметить определенную преемственность государственного руководства судебной системой советской России с предшествующим периодом развития страны. Суть преемственности заключалась в восприятии старых институтов исполнительной власти в лице Министерства юстиции с постепенным разрастанием бюрократических процедур и бюрократического аппарата и подключении местных органов власти.

Существенная специфика советского варианта судебного управления проявлялась в идеологическом обосновании, изменении субъектов судебного управления и партийном «патронаже».

Субъектами судебного управления являлись органы юстиции, местные органы власти и судебные органы. На разных этапах советского строительства развитие судебного управления происходило в рамках изменения их компетенций и роли. Выбор приоритетов в судебном управлении неизменно осуществлялся в условиях сложного согласования существующих стимулов и ограничений. При этом каждый раз обнаруживаются изъяны в выбранной организационно-правовой форме. Это подтверждает известную всем истину, что идеальных форм развития, в том числе в государственно-правовой сфере, не бывает.

Список литературы

1. Абдулин Р.С. Общая характеристика и модели судебного управления в РСФСР (1917–1998 гг.) // Genesis: исторические исследования. – 2016. – № 1. – С. 138–202.
2. Вышинский А.Я. Курс уголовного процесса. М.: Юридическое издательство НАРКОМЮСТА РСФСР, Москва, 1927. 219 с.
3. Ивановский В.В. Государственное право // Известия и ученые записки Казанского университета. По изданию № 5 1895 года. – № 11 1896 года. Репринтное изд-е. Редактирование Allpravo.Ru. – 2004.
4. Казаков А. И. Органы судебного управления РСФСР в период с 1930 по 1970 год: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Свердловск, 1984.

5. Крыленко Н. В. Судустройство РСФСР (лекции по теории и истории судустройства). – М., 1923. – С. 31.
6. Куликов В. В. Постоянно совершенствовать организацию работы судов // Бюллетень Верховного суда СССР. – 1964. – № 5. – С. 3.
7. Лазарев Б.М. «Разделение властей» и опыт Советского государства // Социалистическое правовое государство: Проблемы и суждения / Академия наук СССР. Институт государства и права. – М., 1989. – С. 146–159.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – Т. 5. – С. 203.
9. Очередыко В. П. Отделение судебной власти от исполнительной власти: исторические перипетии российской модели. Часть I. Начала отделения судов от администрации в дореформенной России (до судебной реформы 1864 года) // Ленинградский юридический журнал. – 2020. – № 3(61). – С. 47–60.
10. Очередыко В. П. Отделение судебной власти от исполнительной власти: исторические перипетии российской модели. Часть II. Отделение судебной власти от исполнительной в пореформенной России // Ленинградский юридический журнал. – 2021. – № 1(63). – С. 31–49.
11. Пашуканис Е. Марксистская теория права и строительство социализма // Революция права. – 1927. – № 3. – С. 10–14.
12. Свечникова Л. Г., Штепа Е. В. Организационно-правовые основы взаимодействия органов судебного управления и Верховного суда в России: историко-правовой аспект // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2012. – № 1(12). – С. 97–105.
13. Серов Д.О. Забытая страница истории государства и права СССР: судебная реформа 1956–1964 годов // Вестник Новосибирского государственного университета (НГУ). Серия: Право: Т. 2. – Вып. 2. – 2006. – С. 43–53.
14. Смыкалин А.С. Деятельность Народного комиссариата юстиции РСФСР в области судебного управления в 20-е гг. // Правовые проблемы истории государственных учреждений: Межвузовский сб. науч. трудов. – Свердловск, 1983.
15. Щедрина Ю.В. Принадлежность судей к политическим партиям и вопросы обеспечения судейской независимости в России: историко-правовой аспект // Genesis: исторические исследования. – 2016. – № 5. – С. 99–111.

References

1. Abdulin, R.S. (2016) Obshhaya karakteristika i modeli sudebnogo upravleniya v RSFSR (1917–1998 gg.). *Genesis: istoricheskie issledovaniya – Genesis: historical research*. No 1. pp. 138–202. (In Russian).
2. Vy`shinskij, A.Ya. (1927) Kurs ugolovnogo processa. Moskva: Yuridicheskoe izdatel`stvo NARKOMYUSTA RSFSR, Moskva, 219 p. (In Russian).
3. Ivanovskij, V.V. (2004) Gosudarstvennoe pravo // *Izvestiya i ucheny`e zapiski Kazanskogo universiteta. Po izdaniyu № 5 1895 goda. No 11 1896 goda*. Reprintnoe izd-e. Redaktirovanie Allpravo.Ru. (In Russian).
4. Kazakov, A. I. (1984) Organy` sudebnogo upravleniya RSFSR v period s 1930 po 1970 god: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Sverdlovsk. (In Russian).
5. Kry`lenko, N. V. (1923) Sudoustrojstvo RSFSR (lekciy po teorii i istorii sudoustrojstva). Moskva, p. 31. (In Russian).
6. Kulikov, V. V. (1964) Postoyanno sovershenstvovat` organizaciyu raboty` sudov. *Byulleten` Verxovnogo suda SSSR – Bulletin of the Supreme Court of the USSR*. No 5. p. 3. (In Russian).

7. Lazarev, B.M. (1989) «Razdelenie vlastej» i opy`t Sovetskogo gosudarstva // *Socialisticheskoe pravovoe gosudarstvo: Problemy` i suzhdeniya / Akademiya nauk SSSR. Institut gosudarstva i prava. Moskva*, pp. 146–159. (In Russian).
8. Marks, K., E`ngel`s F. Soch. 2-e izd. T. 5. P. 203. (In Russian).
9. Ochered`ko, V. P. (2020) Otdelenie sudebnoj 6lasti ot ispolnitel`noj 6lasti: istoricheskie peripetii rossijskoj modeli. Chast` I. Nachala otdeleniya sudov ot administracii v doreformennoj Rossii (do sudebnoj reformy` 1864 goda). *Leningradskii yuridicheskii zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No 3(61). pp. 47–60. (In Russian).
10. Ochered`ko, V. P. (2021) Otdelenie sudebnoj vlasti ot ispolnitel`noj vlasti: istoricheskie peripetii rossijskoj modeli. Chast` II. Otdelenie sudebnoj vlasti ot ispolnitel`noj v poreformennoj Rossii. *Leningradskii yuridicheskii zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No 1(63). pp. 31–49. (In Russian).
11. Pashukanis, E. (1927) Marksistskaya teoriya prava i stroitel`stvo socializma. *Revolyuciya prava – Revolution of law*. No 3. pp. 10–14. (In Russian).
12. Svechnikova, L. G., Shtepa, E. V. (2012) Organizacionno-pravovy`e osnovy` vzaimodejstviya organov sudebnogo upravleniya i Verhovnogo suda v Rossii: istoriko-pravovoj aspekt. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo – Bulletin of the Voronezh State University. Series: Law*. No 1(12). pp. 97–105. (In Russian).
13. Serov, D.O. (2006) Zaby`taya stranicza istorii gosudarstva i prava SSSR: sudebnaya reforma 1956–1964 godov. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta (NGU). Seriya: Pravo – Bulletin of the Novosibirsk State University (NGU). Series: Right: Vol. 2. Vy`pusk 2*. pp. 43–53. (In Russian).
14. Smy`kalin, A.S. (1983) Deyatel`nost` Narodnogo komissariata yusticii RSFSR v oblasti sudebnogo upravleniya v 20-e gg. // *Pravovy`e problemy` istorii gosudarstvenny`x uchrezhdenij: Mezhvuzovskij sb. nauch. trudov. Sverdlovsk*. (In Russian).
15. Shhedrina, Yu.V. (2016) Prinadlezhnost` sudej k politicheskim partiyam i voprosy` obespecheniya sudejskoj nezavisimosti v Rossii: istoriko-pravovoj aspekt. *Genesis: istoricheskie issledovaniya – Genesis: historical research*. No 5. pp. 99–111. (In Russian).

Об авторе

Виктор Пантелеевич Очередько, доктор юридических наук, профессор, Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: ocheredkovp@mail.ru

About the author

Viktor P. Ocheredko, Dr. Sci (Law), professor, North-West branch of the Russian state university of justice Saint Petersburg, Russian Federation; e-mail: ocheredkovp@mail.ru

Поступила в редакцию: 11.05.2022

Received: 11 May 2022

Принята к публикации: 26.05.2022

Accepted: 26 May 2022

Опубликована: 30.06.2022

Published: 30 June 2022